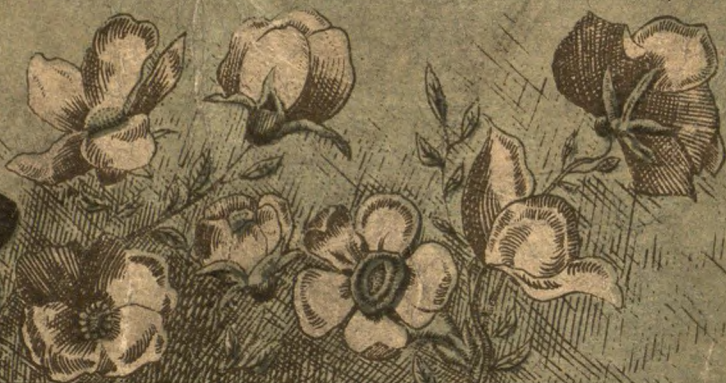

Э(С)
ДН 86

В союзе молота, плуга и мысли-сила и право!

И. ЖУКОВСКИЙ ЖУК.

Н. Лебедева и
Я. Тряпицын.

МАТЕРИАЛЫ
И
ДОКУМЕНТЫ

9661

10/11 1064

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЛЕВОЕ НАРОДНИЧЕСТВО“

Издательство „Наш Путь“.

(Москва, Спиридоновка, 16, кв. 24).

Вышли из печати:

1. *Франго*. Рассказы.
2. *Н. Клюев*. Львиный хлеб. Стихи.
3. *Зюрюкин*. С. х. артели на Западе.

Готовятся к печати:

4. *О. Форш*. Раввин [Драма].
5. *О. Л. Чижиков*. Краткий курс кооперации.
6. *И. З. Штейнберг*. Дантово и Робеспьерово начало в революции.
7. *Иванов Разумник*. Россия и Европа.
8. *К. Эрбер*. Красота и свобода.
9. *А. З. Штейнберг*. Системы свободы Ф. М. Достоевского.
10. *Н. К. Михайловский*. Хрестоматия из его произведений.
11. *П. Л. Лавров*. Хрестоматия.
12. *А. И. Герцен*. Хрестоматия.
13. Судьбы революцион. народничества. Сборник статей *Я. Брауна*.

кн. 1414.

К ИКриМП-I (Чита „Левое на
родничество“)
(Псевдонимы. Петряев, с. 52)

2017

„В Союзе Пуга, Молота и Мысли—Сила и Право“

9(с)
ЖС86

Г. И. Жуковский-Жук.

Н. Лебедева и Я. Тряпицын.

(Партизанское движение в низовьях Амура)

инв. № 4211

2002г.
2007

1952

1981

84

ЧИТА.
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛЕВОЕ НАРОДНИЧЕСТВО“.
1922.

K 922 + 9(c)22

Ж 86

Ф.р. 1064

ФОНД
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Фонд редких
КНИГ

Читательская областная
Библиотека
им. А. С. Пушкина

1842

2102

От автора.

После эвакуации г. Николаевска на Амуре под давлением японской интервенции, в селе Керби Сахалинской области, 9 июля 1920 г. были казнены „судом Линча“ вожди красного партизанского движения: максималистка Н. Лебедева, анархист Я. И. Тряпицын и И. К. Павлуцкий Оцевилли и коммунисты: Е. Сасов, Ф. В. Железин, М. Харьковский и др. всего около 30 человек.

Трагическая смерть борцов за социалистическую революцию, погибших от рук разнузданной толпы, спровоцированной белогвардейцами—до сих пор известна обществу с привратной стороны. Самые нелепые слухи, самые грязные инсинуации и буржуазно-реакционные вымыслы, перепутавшись между собой, не дают истинной картины совершившихся кровавых событий.

Долг перед памятью друзей-борцов заставляет меня с трепетом в душе взяться за перо, чтобы изобразить величавые образы Нины Михайловны Лебедевой, Якова Ивановича Тряпицына и др. героев партизанской борьбы, так как такие фигуры подстать Толстому, Достоевскому, Короленко и др. художникам нашей литературы. Но что же делать, если казнённые товарищи жили и боролись при таких чрезвычайно своеобразных условиях, о каких великие писатели не имеют ни малейшего представления. Поэтому я, как близко знавший некоторых из них—приступаю к исполнению возложенного на меня революционного долга.

Приподнять завесу таинственности, установить истину, показать события в их настоящем виде, развеять ту ложь, клевету и грязь, распространяемую по адресу казнённых буржуазией, ее прихлебателями и половинчатыми „социалистами“ и „коммунистами“ наших дней, оградить память товарищей от ядовитой клеветы и оскорблений—вот цель настоящей книги.—Пройдут года, много лет, утихнет гуд кровавой борьбы, улягутся людские страсти и тогда мы трезво сумеем оценить ту колоссальную работу, которую проводили Тряпицын и Лебедева во имя социальной революции, во имя освобождения труда, мы поймем те великие заслуги перед революцией, сделанные так ненавистной для власти „партизанщиной“. Имена палачей и душителей народных борцов канут в неизвестность, а „преступники“ и „авантюристы“ (по терминологии газ. „Амур. Пр.“) в лице максималистов, анархистов и коммунистов, казнённые в Керби, займут почетное место в мартирологе борцов за дело социальной революции, за дело свободы. Мы убеждены в жизненности слов тов. Ф. В. Железина, сказанных им при прощании товарищам накануне казни: „Что бы ни случилось, но я знаю одно, что история нас оправдает“.

Так должно быть...

А В Т О Р.

1962

INDEX

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is arranged in several paragraphs and is difficult to decipher due to its low contrast and the aged, textured nature of the paper.

родной крови, буржуазия и социал-патриоты, в то же время, лицемерно клеветают о жестокости революционеров, сторонников социалистической революции и грязью обливают красное знамя труда. Революционеры разрушают семью и государство, они разрушают культурные ценности и памятники исторической старины, они хотят стянуть детей от родителей, они вводят разврат и социализируют женщин,—так клеветают на революционеров буржуазные газеты и продажные писаки. Лгут, как по писанному.—

— После занятия Казани красной армией — красносармейцам разрешали пользоваться всеми женщинами города в продолжении трех дней, писали колчаковские газеты.—

— В Советской России — красные убивают всю буржуазию и даже ее детей, сжигают иконы, превращают в коюшны храмы, убивают священников и т. п. кричит, захлебываясь буржуазия и белогвардейщина. И находят наивные, доверчивые люди, которые этому верят и охотно об этом говорят. Делают это не только простые обыватели, но и „социалисты“ и „коммунисты“ из сознательных передовых людей, превращаясь в лжецов и клеветников. Распространяют ложь и не замечают, что лгут сами на себя. Пример на лицо: — Казнен Тряпицын, Лебедева и др., всего до 30 человек, казнены подло, зверски, убиты тайком под покровом июльской ночи. Но ведь все эти, казненные в Керби, товарищи были в большинстве коммунисты и во всяком случае—революционеры. Только Н.Лебедева была максималистка, а Тряпицын и Павлуцкий—анархистами.

Кто же их расстрелял? — навязывается вопрос.—

Те, кто их казнили, почти все вступили в ряды коммунистической партии. И вот, чтоб оправдать это вопиющее преступление, чтоб скрыть свою подлость и предательство, эти люди, обагрившие свои руки в крови борцов—революционеров, начинают лгать, клеветать и лить грязь точь в точь как французская буржуазия 50 лет тому назад:—

— Тряпицын расстреливал „мирных жителей!“.

— Убивал невинных младенцев!

— Насиловал девушек и женщин!

— Хорошо одевался!

— Делал себе из молока ванны, чтоб уморить голодом детей! —

— Награбил много золота! — так шипит и клеветает контр-революционная буржуазия и белогвардейщина, а соглашатели им вторят:

— Н. Лебедева убивала „беззащитных людей!“.

— Социализировала женщин, отдав их в полное распоряжение партизан и китайцев!

— Носила дорогие и роскошные платья! — так клеветают предатели рабочего класса, стараясь загрязнить светлую память погибших товарищей. Но не только они, не только заклятые враги революции и свободы, но и Дальне-Восточные коммунисты тянут ту же песню и клеветают по адресу героев, погибших в Сахалинской тайге:

— Лебедева и Тряпицын самозванцы!

— Они враги Советской власти!

— Они вели борьбу с „коммунистическим“ строем!

— Они являются калмыковскими приспешниками!

— Они помогали японскому империализму!

— Они расстреливали коммунистов! — так лгут и клеветают Д. В. коммунисты и их пресса, подтасовывая факты. Без зазрения своей совести они распространяют инсинуацию по адресу Кербинских мучеников только потому, что те не хотели и не могли мириться с соглашательской политикой буферных заправил. Нападки на кербинских мучеников со стороны большевиков коммунистов очень сходны с нападками черносотенца Эча — автора погромной брошюры: „Исчезнувший город“, который точно так же клеветает по адресу Тряпицына и Лебедевой, а также и большевистской диктатуры пролетариата, как и большевики в свою очередь по адресу расстрелянных в Керби. —

Резолюция Приморской Областной Конференции коммунистов летом 1920 года по поводу Николаевских событий и участников этих событий Тряпицына и Лебедевой написана такими же выражениями, как и провокационная брошюра г-на Эча. Как ни странно такое совпадение, но оно очень характерно...

Во главе не бывало — грандиозного по своему героизму партизанского движения в Николаевском округе — стояли максималисты и анархисты и вполне понятно, что коммунистическая партия, взявшая на себя монополию облагодетельствовать человечество, не могла мириться с такой, по ее мнению, „не нормальностью“. Отдельные члены этой партии, а иногда и целые группы, всеми мерами старались дискредитировать анархистов и максималистов в глазах трудового населения Дальнего Востока, распространяя самую гнусную ложь по адресу погибших в Керби. Когда же эти самоотверженные борцы, отрезанные от центров и поставленные в невероятно трудные условия обращались с просьбой за помощью к Благовещенску, Хабаровску и Иркутску против интервентов, то лица, вершившие судьбу края, не только не оказывали им никакой помощи, но наоборот — всячески тормозили ход борьбы, вставляя палки в колеса революционной колесницы и клеймили вождей этой народно-революционной стихии — авантюристами, демагогами и провокаторами, способствовавшими торжеству японского империализма.

Какая гнусная ложь!..

В ответ на эту грязную клевету и ложь, распространяемую недобросовестными людьми, половинчатыми социалистами и зазнавшимися соглашателями, разными фарисействующими политиками и вообще буржуазными прихвостнями слышится лишь гордый ответ т. Тряпицына при аресте, когда над ним издевались палачи: „Тряпицына был и остался Тряпицыным!“ А презрительное молчание Н. Лебедевой, когда разнузданная белогвардейская толпа кричит и ругает ее — „жидовкой“, разве не сильнее бича хлещет и клеймит оно лжецов и клеветников всех мастей и рангов?!

Перед лицом правды — все вы дрянь и каиново племя! Перестаньте же брызгать вашей ядовитой слюной, вы зелено-розовые буферщики, ликвидаторы и соглашатели, не уподобляйтесь борзописцам из контр-революционного лагеря и не злоупотребляйте именем народа. Разве вы не видите, что ваше клеветничество по адресу „Тряпицынцев“ на лету подхватывается контр-революционной буржуазией и, словно яд, разлагает наши революционные ряды. Вы творите злое и черное дело. Не лгите же!

Вы клеветаете на мертвых потому, что на них клеветать легко и безопасно, ведь мертвые молчат и оправдаться не могут! Живых вы их боялись и трусливо молчали, а теперь, вы — храбры! Вы, господа, умеете бить только лежащих!

Г. Николаевск

„Где красавец Амур льется бурной волной

Там стоит, вдалеке, городок не большой“.

Среди поросших лесом сопок, на левом берегу Амура верстах в шестидесяти от впадения его в Татарский пролив — уютится небольшой городок Николаевск. Маленький, невзрачный, напоминающий скорее село, чем торговый город — Николаевск заменяет собой центр и сосредоточие торговли, административной и культурной жизни, так как на огромном и необъятном пространстве Сахалинской области он является, почти единственным населенным местом, если не считать Охотска и портов на Сахалине, да небольших, на сотни верст разбросанных друг от друга поселков.

Богатый, но суровый и безлюдный край. Есть в нем места, где нога человеческая на десятки, сотни верст не ступала. Суровый климат с холодными

вьюжными зимами, а с ранней весны до зимних морозов дремлющие, ржавые все живое поглощающие мари—накладывают на всю местность дикий и безотрадный характер. Может быть этим и объясняется безлюдность края. Только жадные к наживе и золоту хищники золотоискатели и разные темные личности колесят вдоль и поперек приисковые районы, да туземный дикарь—инородец напевает свою безрадостную, как сама природа, песню, навевая душу случайного путника тоской и жутью.

За то зимой здесь не редкость встретить охотника, промысляющего пушнину, да целый ряд подозрительных и темных „дельцов“—спекулянтов, шныряющих по инородческим стойбищам и собирающих богатые меха у доверчивых дикарей за водку, табак и разные безделушки. Здесь спаивание туземного населения идет во всю; словно мухи вымирают голды, орачены и др. от соприкосновения с буржуазно-европейской „культурой“, которую им преподносят хищники спекулянты, золотопромышленники и спиртоносы.

Приисковые районы населены разнородным пришлым элементом, среди которых огромный процент составляют уголовные преступники, бывшие Сахалинские каторжане и поселенцы, преимущественно кавказцы. Эти изворотливые „восточные человеки“—настоящие пиявки для окрестного населения, так как в их руках сосредоточена почти вся торговля на приисках, они же ловко и умело обирают инородцев, спаивая их скверной водкой, скупают золото, а то и просто грабят, кто попадет под руку...

И чувствуют они себя здесь настоящими маленькими царьками.

Нужно добавить, что по своему политическому мировоззрению это элемент самый контр революционный и, следовательно, заклятый враг всех социалистических завоеваний, отнимающих у него право эксплуатации, хищничества и обмана. Крестьянское население, благодаря суровости климата и непригодности почвы, сельским хозяйством почти не занимается, поэтому вы не встретите здесь ни обработанных полей, ни огородов, ни др. признаков жизни хлебороба. Главные занятия крестьян:—заготовка дров и лесных материалов, рыбная ловля и охотничий промысел. К общественной жизни население относилось апатично до сих пор и только интервенция и связанное с ней партизанское движение пробудили жителей от их спячки. Теперь уж не в редкость селения, где население стало принимать участие в общественно политической жизни, став определенно в лагерь белых или красных, смотря по обстоятельствам. Общественно-административным центром этого края является, как сказано выше г. Николаевск. Благодаря своему расположению на судоходном Амуре и обилию рыбы—он сосредоточил в своих руках всю торговлю всего края, а близость Японии и Владивостока связала его с иностранным рынком.

Жители Николаевска живут, почти, все зажиточно. Рыбопромышленники, золотопромышленники, спекулянты и торговые мошенники — вот типичные представители города Николаевска. Остальная часть городских обитателей — кулаки, мещане совершенно обленившиеся, так как занимаясь одну треть года рыбным промыслом, — они остальное время проводят в бездельничании или в поисках легкой наживы. Рабочих и ремесленников, т. е. пролетариата, здесь немного и вполне понятно, что Николаевские обыватели не особенно дружелюбно относились к новым революционным веяниям. Скрепя сердце, Николаевские кулаки и мародеры принуждены были мириться, когда в 1918 году в захолустье Николаевске революционными элементами была установлена Советская Трудовая Власть. И понятно, что с распростертыми объятиями, они встретили приход интервентов. С приходом японских полчищ в Николаевск — все реакционные элементы города, словно змеи, выползли из своих нор и щелей и общественно революционная жизнь замерла на долгое время.

Мало известный городок Николаевск в настоящее время, благодаря борьбе революционных стихий, стал известен широким слоям трудового народа не только Сибири и России, но и Европы. Теперь этот городок почти совершенно

разрушен и от него уцелело не свыше ста домов. Только обгорелые руины зданий свидетельствуют о том, что здесь, в этом забытом уголке, разыгралась одна из кровавых драм страшной ожесточенной борьбы между русской революцией и японской реакцией.—

Партизаны идут!

*„Идут все полки могучи,
Шумны, как поток
Страшно медленно, как тучи
Прямо на Восток“.*

В конце 1918 года Николаевск, подобно всем остальным городам Дальнего Востока, подвергся нашествию японских полчищ и белогвардейских банд. Уже летом того же года вблизи Николаевска появились японские суда — первые вестники надвигающейся черной реакции и, вслед за этим, высадился десант на нашей территории. На протесты Советской Власти против поспешия суверенных прав русского народа, японские дипломаты успокаивающе отвечали, что никаких агрессивных намерений Япония делать не будет, а войска, высадившиеся в Николаевске предназначаются исключительно для охраны имущества и жизни японских граждан. Конечно, это были только пустые и лживые заверения японских дипломатов и ни один сознательный человек не верил им.

Затея японцев свергнуть Советскую Власть была слишком очевидной. И, действительно, как только японские силы высадились и в других городах Востока, как дружелюбие японцев в Николаевске сразу сняло свою предательскую маску. Реакция сразу вступила в свои права. Власть Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов была свергнута и на сцену выступили постоянные и неизменные спутники реакции — Городская дума и Земство и другие махровые учреждения контр-революции и соглашательства, принявшие на себя власть. Жизнь в городе резко и сразу изменилась.

Советские деятели и революционные работники частью были арестованы, а частью принуждены были бежать и скрываться где попало. Повсюду зареяли японские флаги, а на место мелькавших по улицам то тут, то там городской бедноты и красновардейцев появились нарядно одетые дамы и множество подозрительных субъектов с офицерской наружностью и выправкой, с белыми повязками на руках. Но больше всего бросалась в глаза огромная масса японцев — злых и наглых.—

Начались аресты и преследования всех, кто так или иначе был уличен или подозреваем в сочувствии к Советской Власти, а повальные обыски стали чуть ли не обычным явлением японско-белогвардейского хозяйничанья. В то время, когда рабочее трудовое население было запугано и терроризировано японцами и не принимало никакого участия в общественной жизни, боясь выходить даже на улицу, — в центре города, в буржуазных кварталах жизнь была клочком. Буржуа, спекулянты, купцы, ростовщики и офицеры праздновали свою победу над пролетариатом. В клубах, театрах и др. общественных местах по вечерам горело электричество, рекой лилось вино, мелькали пары танцующих, звенели шпоры офицерских сапог. Буржуазия и офицерство веселились во всю. Временами, когда на момент оргии прекращалась — пьяный офицер или чиновник с газетой в руке обращался к присутствующим и делился с ними какой-либо сенсационной новостью, только что вычитанной из газеты:

„Господа, новость! Вот только, что полученные телеграммы сообщают о том, как наш доблестный правитель громит красных и гонит их без оглядки. Наша славная армия подходит уже к Вятке, а там гляди-ж и... на Москву пойдём... Господа, предлагаю выпить тост за нашего верховного правителя адмирала Колчака и за дорогих наших союзников японцев. Ура!“—

И звучит долго не смолкающее, пьяное ура, гремит музыка... Лица возбужденные, веселые и беззаботные, а мелькающие то тут, то там японцы предательски-отвратительно смеются и хлопают в ладоши: „Карасо, карасо“.

Так как вся пресса переполнена преимущественно мнимыми сообщениями о победе над „красными бандами“ и так как все сведения о мощности партизанского движения тщательно скрываются от населения или же описываются в извращенном виде, то слухи самые невероятнейшие ползут по всем слоям общества. Не редко в эту беззаботно-веселую толпу, пьющую за победу над „красными бандами“ и кричащую „банзай“ в честь завоевателей—японцев, тоненькой, жгучей струйкой проникает, как яд, новость о развивающемся и крепнущем с каждым днем партизанском движении в Амурской, Приморской и Забайкальской областях, об отчаянных боях красных таежных партизан с всесильными японскими полчищами, о поездах спущенных под откос, о нападении на пароходы и т. д. Сначала едва заметный, почти неуловимый слух о храбрости и мощи партизан, постепенно начинает разрастаться и, в конце концов превращается в огромный клубок самых невероятных и фантастических легенд и, как кошмар, тревожит ликующую буржуазию.

— „Скажите, Иван Петрович, правда ли, что „красные банды“ начинают угрожать Благовещенску и Хабаровску?“, обращается толстая дама-буржуйка к пожилому штабс-капитану, неужели опять придут эти противные социалисты... Ах, я их так ненавижу!“...

Сухощавый пожилой штабс-капитан успокаивает свою соседку надеждой на доблестных союзников японцев, которые никогда не допустят восстановления Советской власти; да и, кроме того, от Благовещенска до Николаевска слишком далеко и партизаны по бездорожью сюда не доберутся...

Охраняемая японскими штыками и пулеметами, ограждаемая непролазными дебрями тайги, высокими скалами и гнилыми марями—от нападения красных партизан, Николаевская контр-революционная буржуазия жила спокойно, словно в недоступной крепости. Кровопролитная война между интервентными войсками и вольными партизанскими отрядами, происходящая на полях Забайкальской, Амурской и Приморской областей, едва слышными глухими раскатами долетала до Николаевских обитателей и они не могли точно себе представить всей той грозы, которая скрывалась в словах: „Партизаны идут!“. Это было слишком далеко и не пугало.

Но вот в городе стали носиться более достоверные и правдивые крылатые слухи, что и тут не все благополучно, что и тут, в далекой непролазной тайге появились страшные партизаны и нагледят все больше. Все чаще и чаще слухи—„партизаны идут!“—стали передаваться из уст в уста и вносить панику в среду буржуазных кругов. Насколько паника эта была велика можно судить потому, что даже brave японцы, на которых возлагались столь сильные надежды, тоже призадумались и повесили головы, словно предчувствуя надвигающуюся грозу, предотвратить которую не представляется возможным. А призадуматься было над чем даже и вооруженным с ног до головы японцам; по все му необъятному и безлюдному краю стали появляться мелкие партизанские отряды, состоящие из крестьян, присковых рабочих, красногвардейцев и всех, кто не хотел и не мог мириться с произволом интервенции, кто хотел добиться свободы родному народу и краю.

Организуемые и предводительствуемые неизвестно откуда взявшимися вождями, проявляющими чудеса храбрости, плохо вооруженные и оборванные партизаны, движимые только силой веры в правоту затеянного дела, стали двигаться от селения к селению, которые сдавались им без сопротивления. И хотя из Николаевска против обнаглевших и дерзких партизан посылались довольно сильные и вооруженные карательные отряды, но успеха они не имели и не могли остановить мощного партизанского потока стремящегося к Николаевску. К середине осени 1919 г. буржуазия и японцы ясно видели, что гроза приближается и при словах:—„Партизаны идут!“, они впадали в такую панику, как крысы на тонущем корабле. Казалось, что уже не так гремит музыка, не слыш

**Это была демOVERсия книги - Жуковский-Жук И.И. Н.
Лебедева и Я. Тряпицин: (партизанское движение в низовьях
Амура).**

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34